

В очередной шифровке от 27 сентября 1935 г. Трояновский сообщал о переговорах с американцами о кредитах, торговле и долгах¹.

Он писал о встрече с «очень крупным бизнесменом из Нью-Йорка и Бостона... Он спрашивал меня от имени ряда крупных фирм, почему я не могу договориться с госдепартаментом о кредитах, торговле и долгах. Этот вопрос волнует многих, так как неразрешение его вызывает раздражение, создает почву для обмена резкими нотами, он всплывает в избирательной кампании, президент находится в глупом положении. Неизвестно, чем это все кончится... Прошу срочных указаний». Разговор длился два часа².

Сталин в шифровке от 2 октября 1935 г. на имя Кагановича и Молотова писал: «Беседа Трояновского с дельцом из САСШ интересна...», но, отмечал он, в ней много неясного³.

3 октября Трояновский направил Сталину сообщение с разъяснением существа своей встречи (об условиях американского кредита). Но, отмечал полпред, «неизвестно, как отнесется ко всему этому президент»⁴.

В целом сотрудничество с США развивалось, получало новые импульсы, что обстоятельно изложено в опубликованных научных трудах. Оно получило новое содержание в годы второй мировой войны. Новые документы об этом приведены в специальной главе данной работы.

ж) Дальневосточный сосед — Япония

Японо-советские отношения в 20—50-х гг. XX века — этой проблеме посвятили свои труды многие ученые и нашей страны и других государств. В нашу задачу не входит их анализ и их оценка. Мы имеем более скромную цель (как впрочем и в других разделах данной книги) — обнаружить и оценить документы, хранящиеся в архивах и имеющие прямое отношение к И.В. Сталину. Заметим при этом, что некоторые из них частично использованы другими авторами.

¹ Там же. Л. 116—118. Шифровка послана Сталину 1 октября.

² Там же. Д. 90. Л. 97—99.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 147—148.

Значительная часть выявленных нами документов связана с концессионной политикой советского руководства, прежде всего Сталина, в отношении Японии.

По разным вопросам контактов с Японией (прежде всего по концессиям) был принят ряд решений Политбюро ЦК при участии в его заседаниях Сталина.

Так, в своем постановлении от 21 сентября 1922 г. оно решило: «По вопросу о Сахалине — считать возможным вести переговоры о предоставлении Японии концессии на Северном Сахалине»¹.

Дальнейшие переговоры с японской стороной было поручено вести полпреду СССР в Китае Л.М. Карахану. Сталин внимательно следил за ходом переговоров. Об этом, в частности, говорит его переписка с полпредом. Судя по ее содержанию у них были теплые, дружеские отношения.

16 июня 1924 г. Сталин пишет ему:

«Здравствуй, друже!

Как здоровье, самочувствие? Скучаешь, должно быть...

Дела с Китаем, видимо, пошли у тебя не дурно, А как с Японией? Можно ли надеяться на благоприятный исход переговоров? Не верь японским дипломатам ни на секунду; самая вероломная публика. Верь фактам...

...Мой поклон твоей жене. Привет. И. Сталин.

П.С. Я пока жив и здоров. Дело с переговорами в Англии пока неопределенно»².

Карахан ответил Сталину 13 июля 1924 г.:

«С Японией дело обстоит ты знаешь как. Им до зарезу нужно договориться с нами, но им трудно просто расстаться с нефтью. Я стою за твердый тон с ними, не боясь идти на разрыв. Им разрыв опасней, чем нам. Они сидят на Сахалине и не могут развернуть работы по нефти, ибо завтра неоформле-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 313. Л. 1.

² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 745. Л. 2. Частично опубликовано в нашей книге «Иностранные концессии в СССР» (Ч. I. М., 2006). Относительно переговоров в Англии имелось в виду обсуждение с предполагаемым концессионером Л. Уркартом о предоставлении ему концессии в СССР (об этом см. нашу книгу «Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920—1926 гг.». М., 2001. С. 53—64).

но, и вкладывать большие капиталы рискованно, а для нефти надо вложить сразу много денег, иначе игра не стоит свеч...

По Японии я должен знать, как держаться. Постановления ЦК сообщены мне неполностью по гл. вопросу о концессиях. Между тем сейчас, когда японцы хотят тянуть, боясь разрыва, намек с моей стороны, надежда договориться по этому вопросу ускорила бы дело. Так как у вас есть уступки (к-рые неизвестны мне пока), это я понимаю как желание договориться ценой серьезных уступок. Бояться, что я продешевлю, нет оснований. Мои переговоры с Японией могли убедить тебя, что я держусь с ними довольно твердо, и пока эта твердость вела к уступкам с их стороны»¹.

9 октября 1924 г. Карахан направил Сталину новое письмо. Приведем его почти полностью.

«Моя точка зрения, — писал полпред, — была — не уступить японцам, ибо в будущем году они пришли бы к нам на поклон. Но в Москве, по-видимому, по общим соображениям признано желательным договориться теперь же, хотя бы ценой уступок. Уступки я не считаю большими, ибо с нефтью на Сахалине дело неблестяще, и японцы не получают золотых гор, даже если мы дали бы все 8 районов, на которые они претендуют. Японцы сейчас, правда, пугают нас, берут на пушку, но я тем не менее считаю, что разрыв вполне возможен на этом пункте, ибо здесь затронуты интересы крупнейшей фирмы, возглавляемой Мицубиси, на сестре коего женат яп[онский] премьер Като, а на дочери — мининдел Шидехара.

В последний момент интересы этой кучки могут все решить, несмотря на то, что Японии как буржуазно-нац[иональному] государству соглашение с нами дозарезу необходимо. Я начинаю сейчас кампанию в японской прессе, может это предотвратит разрыв. Главная беда, что знаю я Японию по прессе, и у нас нет щупальцев в самой стране. Это делает трудным и невозможным наносить удары наверняка»².

В письме Карахана на имя Сталина от 20 декабря 1924 г. говорилось о делах в этой стране, была и просьба прислать литературу. Затем автор дал оценку переговорам с японской де-

¹ Там же. Л. 6, 8.

² Там же. Л. 12—13.

легацией. «С Японией дело хуже. Хотя мы проработали все соглашение, но главное — Сахалин еще не согласован. Думаю, что договоримся в конце концов в течение января. При их коварстве, я не дал им сразу всех уступок, ибо это ухудшило бы нашу позицию, но думаю, что в ближайшие дни придется выложить всё.

Жму крепко руку

С сердечным приветом.

Твой Л. Карахан.

P.S. Большой по-прежнему тянет. Очень уж застарелая болезнь. По-прежнему, конечно, ходишь и радуешь свое сердце дезертирами из князя Игоря. Здесь не только театра, но и музыки нет никакой, кроме китайской. Одно утешение, что работаешь на пользу Цека и Отечества»¹.

Очередное письмо Карахана датировано 15 февраля 1925 г. Он пишет: «Дорогой Сталин, итак свалил с плеч и японское соглашение. От этого, конечно, не легче, ибо мне неизвестно, с кем я должен подписать соглашение, чтобы вернуться в первобытное состояние.

Во всяком случае мне необходимо приехать в Москву, я думаю приурочить приезд свой к апрелю, надеюсь, возражений не будет...

Видел твой портрет в «Огоньке», по-видимому, последний. Немного постарел, дорогой Сталин. Трудные полтора года были! Но теперь, надеюсь, будет немного легче. Я поражаюсь, как спокойно партия приняла решение о Тр[оцком]². Была проделана большая работа, но какая партия! Одну сотую нашей твердости, зрелости, дисциплинированности дать сюда, чудеса можно было бы делать...

А Б[ольшой] театр, наверное, на месте и все остальное»³.

На письма Карахана Сталин откликнулся 19 февраля 1925 г. Он начал свое послание в шуточной форме: «Привет Карахану, победителю китайских, японских и прочая и прочая контрреволюционеров». А затем, уже в серьезном тоне, писал: «Просьба Карахану сообщить... о делах и видах Японии в Китае, о воз-

¹ Там же. Л. 16—18.

² Речь идет о постановлении Пленума ЦК РКП(б) (17—20 января 1925 г.) «О выступлении тов. Троцкого» (КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 142—150).

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 745. Л. 21—23.

возможности более тесного сближения с Японией (что очень важно) и т.д.

В общем, за такие сведения от Карахана Сталин обещает снабжать его сведениями о делах и видах Москвы.

Так-то, милейший друг.

Крепко жму руку.

И. Сталин»¹.

В этом письме более всего важно намерение генсека «более тесного сближения с Японией».

6 марта 1925 г. Сталин направил Карахану новое письмо, в котором излагал свою позицию по китайским делам. А затем коснулся японской темы: «Ты уже знаешь, должно быть, что в Японию думаем послать Коппа. Агреман еще не получен»².

Карахан ответил Сталину 21 марта. Большая часть письма была посвящена советско-японским отношениям. Он писал: «О тесном сближении» с Японией. Дело и легкое и трудное. Легкое, ибо японцы этого сближения сами хотят. Трудное, ибо у нас имеются с ними антагонистические интересы в Китае.

Японцам нужен по крайней мере наш благожелательный нейтралитет в случае войны с Америкой, им нужна наша нефть сейчас же из Баку для флота, чтобы эмансипироваться от англо-американцев, им нужно кое-какое сырье — все это толкает их на сближение, на этом мы можем играть. Это наши козыри.

Но их пугает наша «пропаганда», они боятся нашей политики в Китае (правда, меньше, чем другие державы), и у нас сталкиваются интересы в Маньчжурии, они боятся за свою Корею, они в бешенстве за нашу поддержку Гоминдану, ибо она ослабляет Мукден — это то, что отталкивает.

Но даже при таком сложном переплете отталкивающих и сближающих тенденций возможно установить близкие отношения, возможно идти на сближение, возможно найти приемлемый модус без политических уступок.

Наша политика только должна быть очень гибкой и твердой, не заигрывающей, не забегающей, не уступчивой, а гибкой...

Не последнее значение для сближения имеет то, как мы заключим концес[сионные] контракты.

¹ Там же. Л. 27.

² Там же. Л. 32—33. В.Л. Копп был полпредом СССР в Японии в 1925—1927 гг.

Наши основные интересы должны быть строго охранены, но мелочи, головотяпство, придирчивость, до сих пор сохранившиеся в политике дальневост[очных] властей должны быть уничтожены...»¹.

20 января 1925 г. в Пекине была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. В статье VI говорилось, что правительство СССР готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории СССР. Войска Японии должны были быть уведены с Северного Сахалина. Срок возможных концессий определялся в 40—50 лет, устанавливалась плата по углю — 5—8% валовой добычи, по нефти — 5—15%².

В ходе реализации подписанной Конвенции нередко имели место препятствия, создававшиеся по вине и той и другой стороны. И это становилось нередко предметом обсуждения при участии Сталина на заседаниях Политбюро ЦК.

Так, в связи с возникшими затруднениями в предоставлении Японии лесной концессии Политбюро ЦК 9 сентября 1926 г. предложило междуведомственному совещанию выработать конкретные дипломатические меры для улучшения взаимоотношений с Японией. Оно состоялось в НКВД под председательством Г.В. Чичерина 14 сентября, причем по тематике вышло за пределы только лесной концессии³.

5 августа 1926 г. Политбюро ЦК рассмотрело вопрос о концессионных договорах с японскими рыбопромышленниками⁴. Проблемы советско-японских отношений были в повестке дня заседания Политбюро 16 сентября 1926 г.⁵

Эта же проблема обсуждалась 20 декабря 1928 г. Комиссии во главе с А.И. Микояном было поручено «рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с нашими взаимоотношениями с Японией в настоящий момент...». Комиссия была обязана «вести работу чрезвычайно конспиративно: документов не раз-

¹ Там же. Л. 48—49.

² Документы внешней политики. Т. VIII. М., 1963. С. 72—76.

³ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 311. Л. 58—60, 62.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 579. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 587. Л. 1.

множать». Такое требование объяснялось тем, что комиссии поручалось «обсудить вопрос о возможности привлечения американцев в порядке концессий или смешанных обществ для работы на Дальнем Востоке...»¹.

Проект постановления, внесенный комиссией, был рассмотрен Политбюро 4 апреля 1929 г. Важно отметить, что было решено прекратить предоставление Японии новых концессий на Дальнем Востоке².

Отношения с Японией усложнились в связи с ее намерением оккупировать северо-восточную часть Китая — Маньчжурию. Это намерение затем, в сентябре 1931 г., было осуществлено. На этой территории японцы создали марионеточное государство — Маньчжоу-го, просуществовавшее с 1932 по 1945 г.

22 сентября 1931 г. Каганович и Молотов сообщали Сталину о наступлении японцев в Маньчжурии. Они писали, что позиции западных держав пассивны, а США собираются выступить, считая что японцы нарушили не только пакт Келлога, но решения Вашингтонской конференции 1921 г.³ Китай поставил вопрос в Лиге наций. Политбюро ЦК поручило Литвинову вызвать японского посла.

На это письмо Сталин дал обстоятельный ответ. Приводим его полностью.

«1) Вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по договору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае.

2) Не исключено, но мало вероятно, чтобы Америка подняла серьезную бучу в защиту Чансуеяна против Японии, ибо при нынешнем положении она может обеспечить себе «свою долю» в Китае и без конфликта с Японией, даже с согласия самих китайцев.

3) Не исключено и даже вероятно, что японцы имеют согласие на интервенцию со стороны некоторых влиятельных

¹ Там же. Оп. 162. Д. 7. Л. 14.

² Там же. Л. 63.

³ Пакт Бриана—Келлога (получил название по имени инициаторов — французского министра иностранных дел А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога) подписан в августе 1928 г. в Париже. Это договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Вашингтонская конференция проходила в 1921—1922 гг., ее решения дополняли Версальский мирный договор 1919 г. и имели целью стабилизировать ситуацию на Дальнем Востоке.

милитаристских групп Китая вроде группы Фына или Енсишана или старомукденцев типа Чандзосяна, или всех этих групп вместе.

4) Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились.

5) Запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий (таково решение ПБ. — С.Х.), конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин.

6) В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций, как орудие войны, а не мира, пакт Келлога, как орудие оправдания оккупации, Америку, как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит «Правда» всюду, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабащают Китай. «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне. Умеренный тон для «Известий» абсолютно необходим.

7) Следовало бы особо наострить коминтерновскую печать и вообще Коминтерн.

8) Этого будет пока достаточно.

Сталин»¹.

Наркомат обороны и Генштаб СССР решили провести маневры наших войск как раз в это время, причем эти маневры широко освещались в печати. Сталин высказался решительно против такой «рекламы». В записке от 27 сентября 1931 г. на имя Кагановича, Молотова и Ворошилова он писал: «Шумиха и треск в нашей печати по поводу маневров наших войск приносят нам вред. Нельзя ли их прекратить немедленно? Непонятно, откуда только берется у большевиков мещанское стремление к шумихе и показному блеску»².

Мы видим, сколь осторожно и взвешенно подходит Сталин к выработке советской позиции в этом сложном вопросе, учитывая позиции ряда других государств и Лиги наций.

Между тем наметились подвижки в отношениях с Японией.

¹ Там же. Д. 76. Л. 76—76 об. Автограф без даты.

² Там же. Л. 81.

19 июня 1932 г. Каганович и Молотов писали Сталину: полпред Трояновский сообщал, что «среди японцев имеется настроение пойти на пакт с нами, оговорив, во избежание претензий Китая, заключение пакта “ввиду разрешения основных вопросов”... Мы считаем, что если заключение пакта могло бы сорваться из-за такой оговорки, то можно согласиться на такую оговорку». Просили сообщить мнение генсека. Сталин им 20 июня ответил: «Насчет пакта с японцами согласен с вами. Японцам нужна оговорка к пакту, чтобы люди не могли подумать, что они подписывают пакт под нашим давлением, продолжающимся более полгода. Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят этим расстроить наши переговоры с китайцами о пакте, в который японцы видимо серьезно верят. Поэтому нам не следует обрывать переговоры с китайцами, а наоборот, надо их продолжать и затянуть, чтобы поугаить японцев перспективой нашего сближения с китайцами и — тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»¹.

И в данном документе Сталина мы видим его продуманную позицию в выработке тактики по отношению к Японии, учета всех «за» и «против» в подписании пакта с этой страной.

Отношения с Японией оставались предметом забот советского правительства и лично Сталина и позже.

25 июня 1932 г. Каганович и Молотов сообщали Сталину, что Трояновский ведет «разговоры обо всех сторонах наших отношений с Японией с Фудживарой — крупным дельцом, связанным с военными». Но намечавшиеся переговоры с Ямамото и Окура не состоялись. Основная тема разговоров — КВЖД. Вопреки директивам ЦК партии Трояновский, писали они, продолжает говорить с японцами о возможности компенсации нам за КВЖД отказом от японских рыболовных прав. Мы, продолжали они, за решительное осуждение поведения Трояновского и предлагаем ему прекратить всякие разговоры о возможности компенсации КВЖД отказом японцев от рыбы. Он должен заявить Фудживаре, что вести их должны лица, облеченные надлежащими полномочиями².

¹ Там же. Д. 77. Л. 76—76 об. Автограф Сталина, но подписи его нет.

² Там же. Л. 94—95.

В своем ответе от 26 июня Сталин внес коррективы в оценку поведения полпреда: «Осуждать Трояновского за беседу с японцами незачем, так как мы сами поручили ему ведение зондажа на базе известных уступок. Насчет компенсации за КВЖД рыбой вы правы, — мы такого поручения не давали ему, и он разводит отсебятину. Во всем остальном согласен с вами»¹.

Взвешенного подхода генсек требовал и от местных органов власти. За этим Сталин следил внимательно, и при нарушении данного подхода принимал решительные меры. Вот один из примеров.

28 мая 1933 г. Сталин направил в 21 час 40 мин. шифровку в Иркутский крайком ВКП(б) и в Читу — в горком партии. В ней говорилось: «В марте Читинский горпартком распространил афиши на китайском языке с лозунгами, направленными против японских империалистов и против представителей Манчжоуго в Чите.

Считаем это грубой ошибкой. Решительно запрещаем всем партийным и советским организациям издавать и распространять подобного рода статьи, афиши и лозунги. Сообщите получение.

Сталин»².

Это предупреждение генсека было актуально в данный период, поскольку тогда считалась реальной угрозой военного нападения Японии на СССР.

Об этом напомнил Сталин в письме Кагановичу, Молотову и Ворошилову 10 октября 1933 г.

Дело в том, что Ворошилов сообщал Сталину о просьбе зам. наркома по военным и морским делам Я.Б. Гамарника, находившегося на Дальнем Востоке, приехать в Москву для доклада и постановки ряда вопросов по Дальнему Востоку перед ЦК партии, СНК СССР и наркоматами. В своем ответе генсек писал: «Не возражаю против приезда Гамарника на 2 недели, но считаю необходимым, чтобы через 2 недели он возвратился на Дальвост. *Имейте ввиду, что Япония наверняка готовит нам войну, и мы должны быть всегда начеку* (выделено мной. — С.Х.).

Сталин»³.

¹ Там же. Л. 95. Автограф.

² Там же. Д. 46. Л. 135.

³ Там же. Д. 81. Л. 122—122 об. Сталин в то время отдыхал в Гаграх.

Эту же опасность констатировали и Каганович с Молотовым в своем сообщении Сталину 12 октября 1933 г. Они отмечали осложнение отношений с Японией в связи с опубликованием в СССР японских документов. Наша позиция, писали они, изложена в передовых статьях в «Правде» и «Известиях»¹.

Сталин получал секретную информацию, направленную иностранным отделом ОГПУ.

Так, в ноябре 1933 г. ему направили добытое в Париже агентурное сообщение от близкого окружения находившегося в эмиграции бывшего председателя совета министров и министра финансов царской России В.Н. Коковцева. Речь шла о документе из Японии, в котором говорилось о возможной военной угрозе для Японии со стороны СССР. В нем, в частности говорилось: «Очевидна угроза основным островам Японии, над которыми через несколько часов может появиться советская эскадрилья, все повергая на своем пути». Эту фразу Сталин подчеркнул и на полях написал: «Для Клима» (т.е. для Ворошилова)². А на первом листе документа он пишет 14 ноября 1933 г.: «т. Ворошилову. Советую почитать. Интересный документ»³.

Информацию о Японии Сталин продолжал получать и позже. Так, 14 января 1934 г., зам. пред. ОГПУ Я. Агранов и нач. ИНО ОГПУ А.Х. Артузов направили Сталину перевод с японского статьи из секретного журнала японского генштаба «Военно-технический ежемесячник» за апрель 1933 г., где также рассматривались перспективы военного столкновения СССР с Японией⁴.

26 февраля 1934 г. Г. Ягода направил Сталину материал японского военного атташе Кавабэ о технической оснащенности Красной армии. По его данным, в РККА 29 регулярных дивизий, 42 территориальных дивизии; общее количество регулярных войск — 560 тыс. чел.; ежегодный сбор территориальных войск — 200 тыс. чел. Военных самолетов — 2500. Военный атташе пишет: «...по линии военной промышленности СССР ос-

¹ Там же. Л. 130—132. Реакции Сталина на это сообщение в деле не обнаружено.

² Там же. Д. 186. Л. 13.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 37—53.

вободился от иностранной зависимости» (подчеркнуто Сталиным. — С.Х.)¹.

Представляет интерес направленный 11 марта 1934 г. Г. Ягодой Сталину материал, который японский атташе в Турции отсылал в Генеральный штаб Японии в Токио. Сам материал датирован 15 февраля 1934 г. Основная идея этого документа — мобилизация мусульманских государств против СССР. Он пишет: в качестве задачи «нашей империи» (т.е. Японии. — С.Х.) — как можно скорее обратить внимание на использование мусульманских стран в борьбе против Советского Союза, «мы должны думать о проведении политико-стратегических мероприятий против СССР со всех сторон, не ограничиваясь Европой и практикуя любые методы. Надо послать под видом торговых представителей офицеров в Афганистан, Турцию, Персию, Аравию, Египет и в другие страны». Он предлагал образовать органы пропаганды с целью антикоммунистической пропаганды среди мусульман, с этой целью использовать международную ассоциацию в Иерусалиме, работать среди мусульманских лидеров. Для организации этой работы в первый год следует выделить около 200 тыс. иен. «Для Японии, — писал военный атташе, — представляется более целесообразным действовать не непосредственно, а через мусульман». Необходимо обеспечить проникновение японских товаров на Ближний Восток, в Аравию и Египет. Он коснулся также взаимоотношений Великобритании и Советского Союза. Он отмечал: «Интересы Англии и СССР находятся в непримиримом противоречии, причем влияние этих обеих стран сталкивается как раз на территориях, населенных мусульманами...» (подчеркнуто Сталиным. — С.Х.). Ориентация на СССР против Англии для них равносильна замене льва волком», поэтому лучше для них Япония. «Чтобы Япония утвердила свою мощь, мусульмане должны помочь ей в войне с СССР, которую она прежде всего имеет в виду провести». Цель — «использование религиозных чувств мусульман, возбуждение вражды против СССР, объявившего войну религии». Мусульман, писал цитируемый автор, можно использовать более серьезно и против Англии².

¹ Там же. Л. 91—95. Подчеркнутое — л. 95.

² Там же. Л. 118—126.

Сталин, ознакомившись с материалом, написал: «Т. Радеку не стоит ли опубликовать, может быть, с некоторыми пропусками»¹. Радек ответил генсеку: «1... Напечатание вещь очень острая. 2. Если считаете нужным печатать, то — думаю — лучше без сокращения»².

Предложение Сталина было вызвано его желанием разоблачить политику правящих кругов Японии, направленную на разжигание в своей стране и мусульманских государствах антисоветской истерии, а заодно и против Англии.

29 апреля 1934 г. Я. Агранов направил Сталину текст записки английского дипломата Ф. Николса (за господина Миррей, посла в Германии), отправленной в Форин офис из Берлина на имя господина Орди (это сообщение сотрудники ОГПУ сумели заполучить). Генсек, ознакомившись с этим документом, на первом листе начертил: «Мой арх[ив]. И. Ст.»³.

В самом тексте сообщения Ф. Николса, в частности, говорилось: «...наш осведомитель заявил, что, согласно их донесениям, Россия полагает дать нефтяную концессию американцам на Сахалине и что это крайне неприятно японцам, поскольку последние хотели сами получить эту концессию»⁴.

В связи с намерением советского правительства продать японцам Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), проходившую по территории Маньчжоу-го, захваченной Японией, возникли трения по поводу цены за эту железную дорогу. Об этом Каганович и Молотов сообщали Сталину 8 августа 1934 г. — «Строго секретно. Шифром»: «Из шифровок Вы знаете о положении переговоров с Хиротой о его последних предложениях. Японская печать развернула большую кампанию вокруг этого вопроса. Намечаем дать следующую директиву Юреневу и Козловскому: «1. Поручить т. Юреневу заявить Хироте, что Совпра пошло уже далеко навстречу Хироте и Манчжоу-Го в переговорах о КВЖД; но последняя цена Хироты является слишком низкой и как бы ультимативной, Совпра не видит возможности принять последнее предложение Хироты. 2. Пору-

¹ Там же. Л. 118. К. Радек в то время зав. бюро международной информации при ЦК ВКП(б).

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 128.

⁴ Там же. Л. 129.

чить Козловскому вечером того же дня в подходящей частной беседе с Того или с другими влиятельными японскими деятелями заявить в качестве своего личного мнения, что он, Козловский, готов рекомендовать продажу КВЖД за 150 млн руб., если такое предложение будет сделано Хиротой».

В дополнение авторы записки сообщили, что по линии НКВД имеются сведения о намерении японской жандармерии в Харбине применить репрессии к советским гражданам¹.

Сталин ответил 9 августа Кагановичу (фамилия Молотова не указана): «Обращение Козловского к Хироте со своим личным предложением о цене КВЖД, считаю нецелесообразным, так как оно может только усилить наглость японцев. Предлагаю не снижать пока цену, а на кампанию японцев ответить контркомпанией в печати, в духе того, что японцы не хотят покупать КВЖД, а хотят получить ее даром, либо захватить силой и объявить войну СССР, что японцы ведут агрессивную линию и ищут повода для войны и т.п.»².

Переговоры продолжались.

Каганович и Молотов сообщали Сталину 15 августа 1934 г. о том, что правительство Маньчжоу-го опубликовало официальную декларацию по вопросу о состоянии переговоров о КВЖД, что в случае их провала ответственность должен целиком нести СССР. «За последнее время все больше замечается стремление японского правительства вызвать у японской общественности и заграницы представление о нашей агрессивности. Ввиду изложенного, нецелесообразно ли опубликовать краткое сообщение ТАСС об основных этапах переговоров о КВЖД с приведением цены в иенах, предложенной и предлагаемой теперь нами и японцами»³.

Сталин ответил 16 августа: «Вполне целесообразно. Следовало бы привести сначала цену в золотых рублях, а потом в нынешних бумажных иенах, чтобы была для всех ясна наша большая уступчивость. Наша нынешняя цена 160 миллионов бумажных иен едва составляет по курсу 50 миллионов золо-

¹ Там же. Д. 83. Л. 39. К. Хирота — министр иностранных дел Японии. К.К. Юренев — полпред СССР в Японии. Козловский — торгпред СССР в Японии. С. Того — зам. министра иностранных дел Японии.

² Там же. Л. 38—38 об.

³ Там же. Л. 72.

тых иен или рублей. Следовало бы сказать и об этом в сообщении ТАСС»¹.

Подготовленный текст сообщения ТАСС Каганович и Молотов направили в Сочи 17 августа на имя Сталина. Генсек послал ответ: «...Возражений нет. Можете печатать»².

В связи с делом о КВЖД В.В. Куйбышев и А.А. Жданов направили в Сочи Сталину 8 сентября 1934 г. сообщение полпреда СССР в Японии К.К. Юренева, в котором говорилось, что он посетил министра иностранных дел Хирота и заявил ему, что со времени последней встречи с ним советско-японские отношения претерпели значительное ухудшение. В ответ Хирота сказал: «Нынешняя обстановка на Дальнем Востоке вызывает чувства беспокойства» (речь шла о возможной продаже КВЖД в пользу Маньчжоу-го, причем продажная цена составляла 140 млн иен)³.

Известно, что продажа КВЖД властям Маньчжоу-го состоялась в 1935 г.

Находясь в отпуске, генсек посылал свои предложения в ЦК по концессионным вопросам: 8 августа 1934 г. — о разрешении японской нефтяной концессии изыскания трассы для постройки телефонной линии; затем — о регистрации японской лесной концессии. Двумя днями позже, 10 августа, — о принятии арендных платежей от Японии за рыболовные участки⁴.

16 октября 1934 г. Молотов и Жданов сообщали Сталину, что в связи с возможным благоприятным окончанием переговоров о продаже КВЖД необходимо выяснить возможность размещения заказов в Японии. А.П. Розенгольц (нарком внешней торговли), писали они, предложил командировать в Японию четырех работников под видом усиления торгпредства. С этим НКВД согласен. «Считаем целесообразной эту командировку», — писали Молотов и Жданов. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы просто согласился с этим предложением. А он ответил в тот же день: «Согласен, но дело в том, что следует купить и кого именно послать»⁵.

¹ Там же. Л. 72.

² Там же. Л. 74, 76. Текст сообщения ТАСС — Л. 77—83. Опубликовано в газетах 18 августа 1934 г.

³ Там же. Д. 85. Л. 11, 30.

⁴ Там же. Д. 87. Л. 67, 71, 83, 87.

⁵ Там же. Д. 86. Л. 131. Автограф Сталина.

И в самом деле. От подбора командируемых зависел успех дела, причем важно было определить суть этого дела (т.е. что следует покупать в Японии).

Сталину принадлежало последнее слово в посылке и содержании многих нот Наркомата иностранных дел. Причем текст этих нот рассматривался в ЦК ВКП(б).

Одну из этих нот Каганович и Молотов направили 20 августа 1934 г. на одобрение генсеку. В ней содержался протест против ареста на КВЖД 19 советских граждан¹. Ознакомившись с текстом, Сталин в тот же день отправил в ЦК шифровку: «Кому адресован протест, японцам или манчжурам — из вашей шифровки не видно. Предлагаю в тексте перед словом “протест” выкинуть слово “решительный” и заменить его словом “свой”, а также в конце текста выкинуть слова “незамедлит сделать” (соответствующие выводы) и заменить их словом “сделает”»². Конечно, эти поправки ставили своей целью преодолеть задиристый тон предложенного документа. Создается впечатление, что текст ноты готовился не в НКВД, а в другом учреждении. Следовательно, налицо намерение Сталина повысить роль внешнеполитического ведомства, а не подменять его другими «инстанциями».

Когда же документ подобного рода готовился в недрах НКВД силами специалистов, тогда он получал одобрение Сталина. Например, получив текст телеграммы заместителя наркома Н.Н. Крестинского с резкой критикой действий японских властей против советских граждан в Маньчжурии, он сообщил 27 августа 1935 г. Молотову и Кагановичу: «Не возражаю против нового варианта ответа японцам»³.

Отношения СССР с Японией знали и приливы и отливы. Так, Политбюро ЦК ВКП(б) в своем решении от 28 июля 1935 г. отклонило предложение японцев о продлении на 5 лет права производства нефтяных разведок на советской территории⁴. Затем последовала полоса «потепления» в отношениях с Япо-

¹ Там же. Д. 83. Л. 104—106.

² Там же. Л. 106. Автограф.

³ Там же. Д. 88. Л. 97. Текст телеграммы опубликован в: Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 477—478.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 121.

нией. Спустя год, 8 июля 1936 г., Политбюро ЦК по вопросу о японской нефтяной концессии на Сахалине приняло (опросом) следующее постановление: «1. Считать целесообразным в предстоящих переговорах с адм[иралом] Сакондзи согласиться с продлением предельного срока разведочных работ на японской концессии на Сахалине до декабря 1941 г. ... 7. Переговоры с адм[иралом] Сакондзи поручить т. Рухимовичу»¹.

В конструктивном духе завершились и переговоры по рыболовству. 23 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о советско-японской рыболовной конвенции решило (опросом): «Подтвердить... наше согласие на перезаключение концессионных договоров на консервные заводы, сданные им в порядке, указанном протоколом “Ц” на новый десятилетний срок»².

Вместе с тем руководство СССР не могло не учитывать фактов, свидетельствующих о хищнической политике японцев на Сахалине, тяжелых условиях труда советских рабочих на японских концессионных предприятиях. Об этом, в частности, информировал Сталина, Андреева и Вейнберга зам. председателя ЦК союза угольщиков восточных районов СССР И. Перцев, и Молотова — секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник³. Советское правительство стремилось урегулировать эти проблемы по дипломатическим каналам.

Вместе с тем руководство СССР требовало от местных партийных и государственных органов строгого соблюдения концессионных соглашений с японцами. Об этом красноречиво говорят директивные указания И.В. Сталина, направленные им 7 апреля 1938 г. на имя секретаря Сахалинского обкома партии Беспалько. Приводим эту часть документа полностью.

Генсек отмечал: «Первое. По достоверным данным прокурорские власти Сахалина практикуют всякие провокационные придирки в отношении японцев и без нужды обостряют отношения с ними. По тем же данным местные власти ввели провокационную систему пропусков для японцев за пределами концессии. Эти и подобные им незаконные и провока-

¹ Там же. Д. 20. Л. 5—6.

² Там же. Д. 19. Л. 154—155.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 453. Л. 116—128 (документы от 20 января и 3 сентября 1937 г.).

ционные меры дают повод внешнему миру обвинять СССР в желании ликвидировать концессии, отменить односторонним актом договор с Японией и тем довести дело до военного конфликта. ЦК ВКП разъясняет, что подобная провокационная практика идет вразрез с политикой партии и играет наруку милитаристским элементам Японии. ЦК ВКП обязывает вас и обком принять срочные меры по ликвидации подобной провокационной практики. И. Сталин»¹.

Когда министр иностранных дел Японии Иосида был с визитом в Великобритании, генсек направил 14 мая 1938 г. полпреду в Лондоне И.М. Майскому шифровку: «Не избегайте встречи с Иосидой и в случае свидания с ним выслушайте его внимательно. Попросите его изложить конкретные меры улучшения отношений между Японией и СССР. Заявите, что СССР тоже стремится к улучшению отношений. О последующем сообщите»².

Дальнейшее развитие советско-японских отношений хорошо известно, в том числе — назревание угрозы нападения Японии на СССР, ее тесный союз с гитлеровской Германией, образование оси Берлин — Рим — Токио, вступление Союза СССР в августе 1945 г. в войну с Японией и ее итоги.

з) «Восток — дело тонкое...»

Рассмотрим некоторые не публиковавшиеся ранее источники, связанные с советско-китайскими отношениями.

Генсек требовал, чтобы наши дипломаты строго следовали установкам ЦК партии и Совнаркома СССР. В качестве иллюстрации можно привести следующий документ.

Поддерживая во многих случаях ответственного работника НКВД Л.М. Карахана, дослужившегося до поста заместителя наркома, Сталин вместе с тем критически оценивал некоторые действия этого дипломата, в частности, во время его работы полпредом СССР в Китае. 22 сентября 1926 г. генсек направил секретарю ЦК партии В.М. Молотову шифровку, в которой

¹ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 58. Л. 21 (машинописная копия, подпись — автограф); Л. 22—24 — автограф Сталина. На л. 24 автор указал время отправки: 7/IV—38 г.

² Там же. Оп. 11. Д. 58. Л. 33. Автограф — Л. 34.